

УДК 821.161.1-09 Ерофеев В.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Ерофеев В.
Л43

Художественное оформление *Андрея Рыбакова*
Фото на переплете *Александра Кривомазова (передняя сторона)*
и *Александра Кроника (задняя сторона)*

В книгу вошли фотографии из архивов А. Авдиевой, Н. Архиповой, Н. Беляевой, А. Брусиловского, Ж. Герасимовой, М. Гринберга, Л. Кобякова, А. Кривомазова, А. Кроника, Б. Мессерера, А. Неймана, А. Петяевой, М. Фрейдкиной, Н. Фроловой, Н. Черкес, В. Черных, С. Шарова-Делоне, Н. Шмельковой, семьи Муравьевых, общества «Мемориал», Хибинского литературного музея Венедикта Ерофеева центральной городской библиотеки им. А. М. Горького, Музея неонконформистского искусства.

А также из семейного архива В. Ерофеева, переданные Г. А. Ерофеевой.

Авторы и издательство благодарят всех перечисленных
за предоставленные фотоматериалы.

Лекманов, Олег.

Л43 Венедикт Ерофеев: посторонний / О. Лекманов, М. Свердлов, И. Симановский. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 464 с. — (Литературные биографии).

ISBN 978-5-17-114195-0

Олег Лекманов, Михаил Свердлов и Илья Симановский — авторы первой биографии Венедикта Ерофеева (1938–1990), опираясь на множество собранных ими свидетельств современников, документы и воспоминания, пытаются отделить правду от мифов, нарисовать портрет человека, стремившегося к абсолютной свободе и в прозе, и в жизни.

Параллельно истории жизни Венедикта в книге разворачивается «биография» Венечки — подробный анализ его путешествия из Москвы в Петушки, запечатленного в поэме.

В книге представлены ранее не публиковавшиеся фотографии и материалы из личных архивов семьи и друзей Венедикта Ерофеева. Особая признательность Галине Анатольевне Ерофеевой — за предоставленные материалы и доброжелательное содействие.

УДК 821.161.1-09 Ерофеев В.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Ерофеев В.

© Лекманов О., Свердлов М.,
Симановский И., текст
© Брусиловский А., фото
© Кривомазов А., фото
© Кроник А., фото
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-114195-0

Содержание

Предисловие	11
Глава первая	
ВЕНЕДИКТ: Кольский полуостров – Москва	27
Веничка: Утро, до открытия магазина	54
Глава вторая	
ВЕНЕДИКТ: Москва. Филологический факультет МГУ	61
Веничка: Утро в электричке	90
Глава третья	
ВЕНЕДИКТ: Орехово-Зуево – Владимир	99
Веничка: Утро. Между Черным и Купавной	139
Глава четвертая	
ВЕНЕДИКТ: Владимир – Мышлино, далее везде	151
Веничка: Между Есино и Орехово-Зуево	186
Глава пятая	
ВЕНЕДИКТ: Петушки – Москва	201
Веничка: Вне реального времени и пространства	248
Глава шестая	
ВЕНЕДИКТ: Москва. Царицыно – проезд Художественного театра	259
Веничка: В электричке «сквозь дождь и черноту»	295

Глава седьмая	
ВЕНЕДИКТ: Москва – Абрамцево – Москва.....	304
Веничка: Москва — последние мучения	358
Глава восьмая	
ВЕНЕДИКТ: Москва – последний приют.....	374
Наша небольшая венедиктиана (избранная библиография)	437
Указатель имен	441
Об авторах	461

Я долгом своим (не легким) считаю — исключить из рассказа лицемерие мысли и боязнь слова. Не должно ждать от меня изображения иконописного, хрестоматийного. Такие изображения вредны для истории. Я уверен, что они и безнравственны, потому что только правдивое и целостное изображение замечательного человека способно открыть то лучшее, что в нем было. Истина не может быть низкой, потому что нет ничего выше истины. Пушкинскому «возвышающему обману» хочется противопоставить нас возвышающую правду: надо учиться чтить и любить замечательного человека со всеми его слабостями и порой даже за самые эти слабости. Такой человек не нуждается в прикрасах. Он от нас требует гораздо более трудного: полноты понимания.

Владислав Ходасевич. «Андрей Белый»

*Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть свобода.*

Всеволод Некрасов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Венедикт Васильевич Ерофеев очень рано, в восемнадцатилетнем возрасте, раз и навсегда сошел с пути, обязательного для почти любого заботящегося о собственном благополучии интеллигента. «Он был “отвлечен” от множества обстоятельств, которые для обычного человека представляются первостепенно важными, — рассказывает Ольга Седакова. — Когда мы познакомились (в это время он писал “Петушки”), он был совершенно нищий, бездомный, жил у знакомых, кочевал, терял документы, без которых у нас человек не выживет. “Все ступеньки общественной лестницы” были ему на самом деле безразличны. Этот его взгляд издалека, глазами “Неутешного горя” или чего-то в этом роде, и был тем, что его больше всего отличало от других. Есть нечто совсем другое, вот оно и важно, — а то, что вы считаете важным, это все ерунда “и томление духа”. Приблизительно с этим он приходил и уходил»¹.

¹ Те воспоминания о Ерофееве, которые далее будут цитироваться по книжным, журнальным и интернет-источникам, мы сопроводим библиографическими отсылками. Мемуары, оставленные без отсылок, написаны или надиктованы специально по нашей просьбе.

Сходно вспоминал об отношении Ерофеева к привычным социальным ценностям его самый близкий друг Владимир Муравьев: «У Венички было ощущение, что благополучная, обыденная жизнь — это подмена настоящей жизни, он разрушал ее»¹. О «неприкрепленности Ерофеева к земным вещам» говорит и сын Владимира Муравьева, Алексей. Отчасти похожее наблюдение, переведенное в плоскость человеческих отношений, находим в дневнике Натальи Шмельковой 1988 года: «Все спокойное, устоявшееся в один прекрасный момент начинает его раздражать. И тогда — не избежать провокаций с его стороны на ссору и даже на разрыв»². Как «отвязанный, безнадёжный и целомудренный» определила ерофеевский мир Нина Брагинская.

Но что Ерофеев считал по-настоящему важным, ради чего он отказался от «благополучной, обыденной жизни»? Ясный ответ на этот вопрос дать очень трудно — как минимум, по двум причинам.

Первая причина: такой ответ предполагает использование «хороших слов» и «мыслей», по едкой из-за кавычек формуле Ольги Седаковой³, то есть прямолинейных определений, которых сам Ерофеев избегал как мог. «Самый большой грех по отношению к ближнему — говорить ему то, что он поймет с первого раза», — замечает Ерофеев в записной книжке 1964 года⁴. «Меньше всего Венедикт был склонен к открытости, к исповедальным разговорам о своей жизни. Он насмешливо и грубо оборонялся от попыток вызвать его на откровенность, выяснить мнение, мировоззрение и прочее», — пишет Елена Игнато-

¹ *Ерофеев В.* Мой очень жизненный путь. М., 2003. С. 573. Одни мемуаристы называют Ерофеева Веничкой, другие — Веничкой. Мы при цитировании сохраняем эту разность.

² *Шмелькова Н.* Последние дни Венедикта Ерофеева. Дневники. М., 2002, С. 91.

³ *Седакова О.* Несказанная речь на вечере Венедикта Ерофеева // Дружба народов. 1991. № 12. С. 265.

⁴ *Ерофеев В.* Записные книжки 1960-х годов. М., 2005. С. 204.

ва¹. «Прямых слов он не любил; пафоса не выносил», — свидетельствует Людмила Евдокимова. «Он любил говорить: “давай только без высокопарщины”», — вспоминает Марк Гринберг. «Нет, ну надо же... Я, конечно, не буду отвечать на этот самый паскудный из всех вопросов...» — с явным раздражением отпарировал Ерофеев, когда интервьюер всего лишь поинтересовался у него: «Считаете ли вы себя интеллигентом?»²

Хорошее представление о том, насколько Ерофеев в этом смысле был строг, дает следующее его суждение из записной книжки 1973 года: «Не надо говорить о спектаклях “отлично”, “великолепно” и пр. А, например, так: “С самого начала спектакля ужасно хотел попысать, но не сходил до самого конца”»³.

Признаемся, что на предварительном этапе работы над этой книгой нас самих дважды одернули за использование «прямых слов». Когда мы спросили у Марка Гринберга, какова была ерофеевская «идейная программа», он ответил: «Если бы я употребил такое выражение, он бы засмеялся или, наверное, что-то злое сказал бы». А Ольга Седакова так отреагировала на наш вопрос, каковы были главные качества Ерофеева: «О, “главные качества”! Вот таких слов и таких идей — взять и выяснить “главные качества” — Венедикт решительно не переносил. Это было одно из его “главных качеств”. У него была свирепая аллергия на тривиальности». «Он очень тяжело, болезненно переваривал стандартность мышления», — отмечает и Сергей Шаров-Делоне.

¹ *Игнатова Е.* Венедикт // *Время и мы* (Нью-Йорк). 1993. № 122. С. 188.

² *Ерофеев В.* Мой очень жизненный путь. С. 519–520. В записной книжке 1973 года Ерофеев сочувственно процитировал: «...у Г. П. Федотова определение понятия “русская интеллигенция”: “Русская интеллигенция есть группа, движение, традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей”» (*Ерофеев В.* Записные книжки. Книга вторая. М., 2007. С. 77).

³ Там же. С. 415.

Вторая причина, которая не дает легко сформулировать, чем в ценностной шкале Ерофеева были заменены «все ступеньки общественной лестницы», на самом деле — первая, потому что главная: внутренний мир Ерофеева был закрыт не только от далеких людей, но и от близких. В записной книжке 1965 года он отметил: «Я в последнее время занят исключительно прослушиванием и продумыванием музыки. Это не обогащает интеллекта и не прибавляет никаких позитивных знаний. Но, возвышая, затемняет “ум и сердце”, делая их непроницаемыми ни снаружи, ни изнутри»¹.

И мемуаристы рассказывают в унисон: «Он к себе особенно не подпускал» (Ирина Дмитренко); «Ерофеев что-то “излучал”. Доброта? Нет, не могу так сказать. Он был будто чем-то сильно переполнен, “загружен”. Каким-то неизвестным мне контентом, возможно, стихами или воспоминаниями, не знаю. Но он явно старался культурой вокруг не сорить. И тут он был лорд. Все вокруг Венедикта казались чуть проще, грубей, даже тогдашняя Ольга Седакова. Я бы рискнул назвать это нежностью, но необычной. Неброской, неаффектированной, со смещенным центром. Рассеянная нежность, проходящая по касательной, объектом которой, наверное, стать было нелегко»² (Глеб Павловский); «...всегда была ощутима некая нестыковка, суверенность, отсутствие в присутствии. Словно какой-то незримый экран находился меж ним и окружающими, даже самыми близкими и преданными. Спорить с ним было бесполезно и не нужно. Просто выдавал очередную порцию саркастических и парадоксальных формулировок. Не убеждал, не навязывал своего мнения. Просто знал истину, зримую лишь ему, пребывающему в ином измерении <...> Никогда он не был ясен. Ни вблизи, ни — тем более — изда-

¹ *Ерофеев В.* Записные книжки 1960-х годов. С. 249.

² В дневниках Ерофеева 1986 года есть выписка из Брюсова: «у Брюсова»: «с небрежной нежностью» (личный архив В. Ерофеева. Материалы предоставлены Г. А. Ерофеевой).

лече» (Анатолий Иванов)¹; «Веня был человек очень закрытый, очень собранный, даже выпив, он таким оставался» (Александр Корноухов)²; «...внешним обликом, как ни странно, он немного напоминал пуританина, был застенчив, закрыт, что как-то не вязалось с представлениями о его пьяной жизни» (Наталья Четверикова)³; «Он всегда умел очертить магический круг приватности — из двух-трех имен на обложках по тумбочке разложенных книжек, из блокнота с авторучкой наискось» (Пранас Яцкявичус (Моркус))⁴; «Веня в быту был человеком по преимуществу молчаливым — я, признаться, не припомню, чтобы когда-нибудь в разговоре слышал от него больше 10–15 слов подряд. Он явно предпочитал слушать других, а не говорить сам» (Марк Фрейдкин)⁵; «Бенедикт⁶, я думаю, открывался редко и очень немногим <...> Я часто ощущала, что он отчужден от людей, даже тех, с кем в хороших отношениях» (Лидия Любчикова⁷)⁸. Вспомним еще раз определение Ниной Брагинской ерофеевского мира не только как «отвязанного», но и «целомудренного».

¹ Иванов А. Как стеклышко: Венедикт Ерофеев вблизи и издалече // Знамя. 1998. № 9. С. 174.

² Про Веничку. Книга воспоминаний о Венедикте Ерофееве. М., 2008. С. 110.

³ Там же. С. 151.

⁴ Там же. С. 66–67.

⁵ Фрейдкин М. Каша из топора. М., 2009. С. 300.

⁶ «Бенедикт» — одна из многочисленных форм шуточного именованья Ерофеева, принятая среди друзей. — О. Л., М. С., И. С. В записной книжке 1966 года он сам перечисляет свои прозвища разных лет: «Вот клички:

в 1955–57 гг. меня называют попросту “Веничка” (Москва),

в 1957–58 гг. по мере поселения и повзросления — “Венедикт”,

в 1959 г. — “Бэн”.

в 1960 г. — “Бэн”, “граф”, “сам”,

в 1961–62 г. — опять “Венедикт”.

и с 1963 г. — снова поголовное “Веничка” (Влад<имир>, Кол<омна>)» (Ерофеев В. Записные книжки 1960-х годов. С. 440).

⁷ Упоминается как Лида в поэме «Москва — Петушки» (глава «Черное — Купавна»).

⁸ Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. С. 540.